

ПЕНСКОЙ В.В., ПЕНСКАЯ Т.М.**«ЯЗ ДЕИ ДЕДА СВОЕГО И ПРАДЕДА НЫНЕ ЗДЕЛАЛ ЛУТЧИ...»:
ПОХОД ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I И СОЖЖЕНИЕ МОСКВЫ В МАЕ 1571 г.**

В растянувшемся на четверть века вооруженном противостоянии двух царей, крымского Девлет-Гирея I и московского Ивана IV, кампания 1571 г. стала одной из наиболее драматичных. У хана были все основания заявить на переговорах с русским государем, обосновывая свои требования на Казань и Астрахань, — мол, «яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи»¹. В самом деле, Девлет-Гирей сумел превзойти своего дядю Мухаммед-Гирея I, который за полстолетия до этого разбил русские полки под Коломной и вышел к самой Москве, но город не осаждал, ограничившись разграблением его окрестностей. И уж тем более Девлет-Гирей превзошел другого своего дядю, Сахиб-Гирея I, который в 1541 г., совокупив немалую рать, собрался было разорить Москву, но так и не смог переправиться через Оку и был вынужден отступить обратно в Крым несолоно хлебавши. Теперь же, в мае 1571 г., крымский «царь» не только сумел переиграть русских воевод и самого Ивана IV, но разгромив неприятеля под самыми стенами его собственной столицы, сжечь ее и, ополонившись, беспрепятственно отступить в свои пределы. Более того, хан еще и публично унижил Ивана Грозного, в своем послании к нему отписав, что он де искал встречи с московским царем, «и было б в тебе (в Иване. — В.П., Т.П.) срам и дородство, и ты б пришел против нас и стоял»². Ну, а раз Иван не решился встать на «прямое дело» с ханом, то у него, Ивана, выходит, нет ни чести, ни достоинства-«дородства».

Естественно, что столь значимое событие не могло не остаться вне поля зрения отечественных историков. Практически любой из них, писавший о России эпохи Ивана Грозного, так или иначе коснулся этой страницы ее истории³. Вместе с тем, анализируя имеющуюся литературу нетрудно заметить,

что при освещении событий весны 1571 г. историки, как правило, в целом мало интересуются чисто военными аспектами этой кампании. Исключением, пожалуй, могут считаться лишь разделы в книгах В.А. Волкова (но его работа носит преимущественно описательный характер) и В.П. Загоровского (на наш взгляд, на данный момент это наиболее полное и целостное исследование темы)⁴. Однако картина произошедших в мае 1571 г. событий все равно остается неясной, между тем как появление в последнее время новых материалов позволяет попробовать заново реконструировать ее.

Но прежде чем приступить к этому, несколько слов об основных источниках, которые могут быть использованы для создания этой реконструкции. К сожалению, официальное московское летописание, в котором при Иване IV широко использовались официальные документы (разрядные записи, воеводские отписки, текущая переписка Посольского приказа и пр.), было доведено лишь до 1567 г.⁵ Правда, как отмечал Б.М. Клосс, «после того, как работа над Лицевым сводом прекратилась, список О (Оболенского. — В.П., Т.П.) попал в руки каких-то лиц, пожелавших продолжить летописные записи».⁶ В этих приписках к основному тексту, сделанных, возможно, в 80-х гг. XVI в. (или позже?), сохранился достаточно подробный рассказ о тех майских днях⁷. Можно также назвать ряд кратких летописцев и заметок, в которых содержатся сведения о событиях 1571 г.⁸ Но эти заметки носят именно краткий, порой даже лапидарный характер. В лучшую сторону от них отличается рассказ, помещенный под 7079 г. в Соловецком летописце конца XVI в., но и он дает лишь общий эскиз, набросок картины интересующего нас события⁹.

Таким образом, дошедших до нас летописных свидетельств явно недостаточно для того, чтобы решить поставленную задачу. Обратимся к другому многообещающему источнику — к разрядным книгам. Подробный анализ их происхождения и особенностей содержания был сделан В.И. Бугановым и Ю.В. Анхимюком¹⁰. Отметим важное, на наш взгляд,

обстоятельство, подмеченное последним: «Сохранившиеся до нашего времени списки разрядных книг с записями за последнюю четверть XV — начало XVII в. в подавляющем большинстве представляют собой частные списки и восходят к архивам служилых людей». Объясняется такое положение прежде всего тем, что эти частные разрядные книги являлись ничем иным, как местническим справочниками, необходимыми служилому человеку для того, «чтобы при новых назначениях не допустить «потерьки», вовремя и аргументированно ударить челом в отечестве о счете или просить дать «оборонь» от местнических наскоков чужеродцев»¹¹. Отсюда и своеобразие содержания разрядных книг. Точно таким же «справочником» был «Государев разряд», который, правда, составлялся задним числом, спустя некоторое время после тех или иных событий, в нашем случае — в 1584/1585 и 1598 гг.¹² При сопоставлении сведений, содержащихся в «государевых разрядах» и в частных разрядных книгах нетрудно заметить, что последние несколько более подробны¹³, чем первые¹⁴, и все они вместе значительно более информативны, чем летописные источники.

К летописным и разрядным записям стоит добавить также материалы, что содержатся в дипломатических документах того времени¹⁵, а также в сообщениях иностранцев¹⁶. Кроме того, несколько лет назад был опубликован ответ османского султана Селима II на победную реляцию (фетх-наме) Девлет-Гирея I, отосланную им своему сюзерену¹⁷. Этот документ интересен прежде всего тем, что позволяет посмотреть на события с «той стороны» и к тому же содержит ряд деталей, позволяющих пролить свет на ход самого сражения на окраинах Москвы.

Кстати, для реконструкции этого сражения, на наш взгляд, можно смело использовать сохранившиеся сведения о другом «прямом деле» русских и татар спустя год — в июле-августе 1572 г. при Молодях. Аналогии между двумя этими битвами, на наш взгляд, более чем оправданны, ибо, переиначивая слова князя М.М. Голицына, сказанные им Петру I накануне Полтавской баталии,

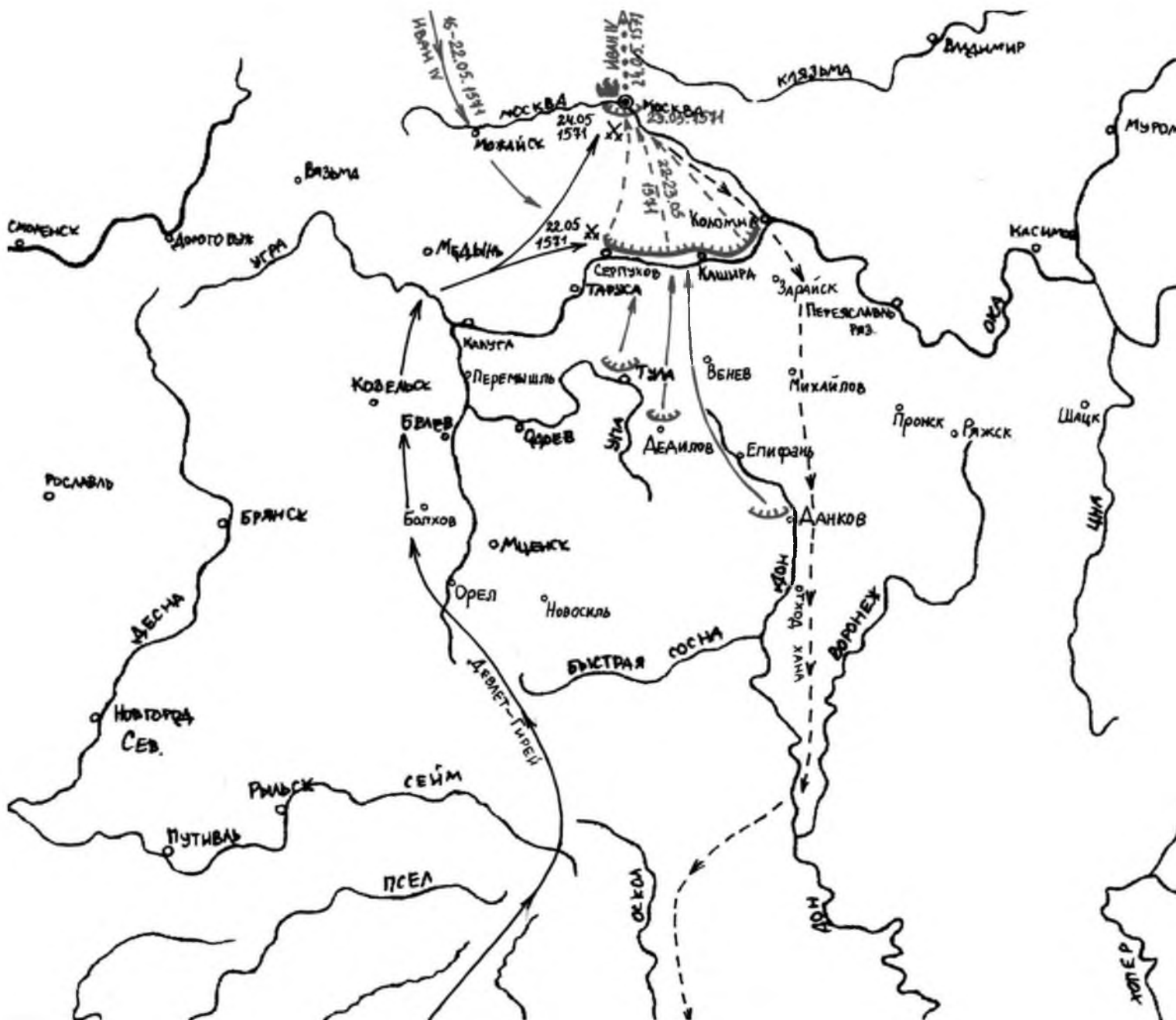
«войско то же и люди те же» (в прямом и фигуральном смысле).

Таким образом, имеющихся в нашем распоряжении материалов достаточно, чтобы предложить иную, чем прежде, интерпретацию событий мая 1571 г. Но для начала немного предыстории. Три предшествовавших рассматриваемому году, ознаменовавшиеся постепенным нарастанием военного давления на Москву со стороны татар, тем не менее, не привели к достижению желаемой для крымского «царя» цели — получению от «московского» обещания выплаты «Магмет-Киреевой дани», той самой, что была обещана Мухаммед-Гирею в 1521 г. перепуганными московскими боярами, и передачи Казанского и Астраханского «юртов». Иван Грозный, демонстрируя видимость пойти на уступки, тянул время, пока его дипломаты искали способы эффективно воздействовать на Девлет-Гирея. Сам же хан к концу 1570 г. все больше и больше склонялся к тому, чтобы прервать дипломатические контакты с русским царем. Как отмечал тщательно исследовавший русско-крымские отношения этого времени А.В. Виноградов, хан, подвергавшийся сильнейшему давлению со стороны «казанской» «партии» при своем дворе и «партии войны» при дворе Селима II, опасаясь утратить авторитет среди ногайских мурз (как Большой Орды, так и Казыева улуса), не говоря уже о черкесских князьях и мятежных «казанских людях», связывавших свои надежды на освобождение из-под власти московского царя именно с Девлет-Гиреем, не имел иного выхода, кроме как предпринять большой поход на Русь. Только так, одним решительным ударом он мог разрубить запутавшийся до предела клубок дипломатических и иных интриг. Потому-то отправленное в конце 1570 г. с гонцом в Москву ханское послание выглядело несколько необычно. «Хан предлагал немедленно осуществить размен послов. Вопрос о присылке новых послов не ставился. Все спорные вопросы, — писал историк, — в том числе о «поминках» и даже об Астрахани обходились молчанием... Отсутствие в грамоте всякого упоминания о крымских притязаниях показывало, что хан не считал нужным говорить о старых притязаниях. В случае успеха своего

предприятия он намеревался предъявить новые...»¹⁸.

В принципе такая трактовка послания выглядит достаточно правдоподобно и логично, но, по нашему мнению, лишь с учетом знаний о последующем развитии событий. Отправляя своего гонца, Девлет-Гирей еще не имел понятия, чем закончится готовящийся им поход на Русь. Кроме того, как будет показано ниже, само предприятие на первых порах не носило характера решающего удара, долженствовавшего раз и навсегда расставить все точки над «і» в русско-крымских отношениях. Возможно, что хан, убедившись в безуспешности всех прежних попыток вынудить Ивана пойти на желаемые Крыму уступки, решил продемонстрировать своему партнеру силу и тогда вернуться к обсуждению интересующих Бахчисарай проблем, имея лучший, чем прежде, набор козырей. Во всяком случае, в 1571—1572 гг. ничего абсолютно нового, отличного от того, что было ранее, Девлет-Гирей от Ивана не требовал.

Иван Грозный тем временем полагал, что, продолжая дипломатическую игру, есть шанс избежать большого татарского похода на Русь. Определенные надежды возлагались им на новое посольство в Стамбул, отправленное в начале апреля 1571 г. Не стал Иван и задерживаться с отправкой своего гонца в Крым, рассчитывая продолжением дипломатической переписки оттянуть наступление «момента истины». Но, надеясь на возможность дипломатического урегулирования конфликта, в Москве все же осознавали, что вероятность неприятельского вторжения все равно остается весьма высокой. Поэтому в русской столице интенсивно готовились к новой, весенне-летней кампании 1571 г. Дипломатия дипломатией, а война — войной, береженого Бог бережет, и отменять ставшие давно привычными меры предосторожности в надежде, что султан молвит слово, а хан немедленно повинется и не станет нападать на государеву украйну, в Москве отнюдь не собирались. Иван и его бояре оказались правы, дипломатические усилия желаемых результатов не принесли. В отличие от событий 50-летней давности, когда дядя Девлет-Гирей Мухаммед-

Гирей I точно также собирался на Москву, на этот раз султан Селим II, не дав прямого разрешения относительно похода крымского хана против русских, достаточно прозрачно намекнул, что он не возражает против такого мероприятия. Между тем попытка Москвы продолжить контакты со Стамбулом через голову Девлет-Гирея вызывала его крайнее недовольство и только углубила пропасть в отношениях между Иваном и крымским «царем»¹⁹.

Анализируя подготовку «московского» к очередному раунду противостояния, отметим, что снова, как и прежде, разосланные заблаговременно по тамошним городам-крепостям «украинские» воеводы должны были «по вестем» от «польских» сторожей образовать «малый» 3-полковый разряд в Туле, Дедилове и Данкове: «В большом полку с Тулы воевода князь Василей Юрьевич Голицын да голова Василей Иванов сын Меньшой Корабьин. В передовом полку з Дедилова воевода Иван Большой Михайловичь Морозов да голова Ондрей Микитин сын Мясной. В сторожевом полку из Донкова воевода князь Иван князь Иванов сын Козлина Тростенской да голова Василей Петров сын Измайлов. Да в большом же полку сходным воеводам быть со князь Васильем Юрьевичем Голицыным: с Орла воеводе князь Ондрею Дмитриевичю Палецкому, да Михаилу Глебову, да из Новасили князю Федору Дееву да Олександру Колтовскому, да с Пловы ж с Соловы воеводе князю Григорью Коркодинову. В передовом полку быть с воеводою с Иваном Большим Морозовым в сходе изо Мценска намеснику Дмитрею Замыцкому; а люди с ними по их списком». Предполагалось, что этот «малый» разряд будет усилен опричными полками²⁰.

Одновременно на «берегу» разворачивался «большой» 5-полковый разряд, во главе которого был поставлен воевода князь И.Д. Бельский, человек номер один в русской военной иерархии того времени. Полк правой руки возглавлял не менее знатный и родовитый воевода — князь И.Ф. Мстиславский, тогда как полк передовой — ветеран степных кампаний князь М.И. Воротынский, что само по себе говорит о том значении, которое придавалось в Москве составлению плана обороны южной границы: «А на берегу были бояре и воеводы по полком: в большом полку бояре и воеводы князь Иван Дмитриевич Бельской да Михайло Яковлевич Морозов, стояли на Коломне. В правой руке боярин и воеводы князь Иван Федорович Мстисловской да Иван Меньшой Васильевич Шереметев. В передовом полку боярин и воеводы князь Михайло Иванович Воротынской да князь Петр Иванович Татев. В сторожевом полку

боярин и воеводы князь Иван Ондреевич Шуйской да Дмитрей Григорьев сын Плещеев. А в левой руке воеводы князь Иван Петрович Шуйской да князь Иван князь Григорьев сын Щербатой...». Некоторое представление о составе полков «берегового» разряда может дать «Синодик по убиенных во брани». Согласно его сведениям, во время сражения под стенами Москвы и при московском пожаре погибли дети боярские следующих «городов»: Рязани, Смоленска, Тулы, Москвы, Каширы, Коломны, Соловы и Пловы, Серпейска, Мещовска, Пскова, Нижнего Новгорода, Мурома, Шелонской пятины, Боровска, Горопца, Воротынска, Тарусы²¹.

Таким образом, татарам на пути к Москве предстояло преодолеть две линии русской обороны, занятых большой ратью. Точная ее численность, увы, неизвестна, а оценки историков весьма разнятся — от 6 тыс. (эту цифру назвал сам Иван Грозный, не указав, правда, кого именно он имел в виду под «своими»²²), которой, к примеру, придерживается В.В. Каргалов, до 50 тыс., названную С.М. Соловьевым²³. Многие же специалисты и вовсе избегают давать оценку численности царских ратей²⁴, собранных для отражения татарского набега, ограничиваясь общими словами относительно имевшегося многократного перевеса ханских полков над русскими или же о меньшем, чем в предыдущие годы, размере собранного Иваном войска²⁵. Между тем сохранившиеся источники называют достаточно определенные и, что интересно, в принципе совпадающие цифры. Так, анонимный немецкий автор брошюры «Краткое достоверное известие и общий обзор прошедших историй и деяний, случившихся в последнее время в 1570 и 1571 годах в Москве и в России» писал о 40-тыс. русском войске, разбитом татарами в кампании 1571 г., а сам хан в своем донесении в Стамбул сообщал, что под стенами Москвы его встретила русская рать в 30 тыс. отборных всадников и 6 тыс. пехотинцев²⁶. Попробуем ответить на вопрос, насколько можно доверять их сообщениям и определить верхнюю планку численности русских ратей, все цифры выше которой будут заведомо неправдоподобны.

Прежде всего стоит обратить внимание на два важных момента. Первый — группировка войск, собранных южнее Москвы на путях возможного выдвижения татар, состояла из трех «разрядов»-корпусов: двух земских, «заречного» и «берегового», и опричного, всего 11 «полков». Второй — во главе главного, «берегового», разряда были поставлены самые титулованные и опытные на тот момент воеводы, князя И.Д. Бельский, И.Ф. Мстиславский и М.И. Воротынский, в «лейтенантах» (термин Дж. Флетчера) у которых ходили не менее опытные и заслуженные воеводы — те же И.В. Шереметев Меньшой и М.Я. Морозов. Уже одно это заставляет полагать, что численность царской рати была отнюдь не маленькой и совершенно точно не 6 тыс. воинов, названных Иваном Грозным. Кстати, говоря об этой цифре, мы склоняемся к тому, что царь имел в виду под «своими» все-таки «опришнинской» 3-полковый разряд. Исследовавший вопрос о численности опричного двора В.Б. Кобрин указывал, что в кампанию 1572 г. служилые «города» из уездов, причисленных к опричнине, дали 3,5—4,2 тыс. детей боярских, и что общая численность опричных детей боярских в 4,5—5 тыс. «голов» вовсе не представляется невероятной²⁷. Если же принять во внимание, что, помимо опричной конницы, в «опришнинской» разряд вошли также и «государевы стрелцы», а их насчитывалось по меньшей мере 1,3—1,5 тыс.²⁸, а также и послужильцы опричных детей боярских²⁹, то в трех опричных полках вполне могло быть 6 тыс. ратных людей. И это даже с учетом того, что Иван поднял в седло не всех опричников, дав отдых тем из них, кто ходил зимой 1570/1571 гг. под Ревель на помощь царскому «голдовнику» Магнусу (о «магнусовом» войске см. ниже).

Достаточно многочисленным был и «заречный» разряд. Годом позже, в 1572 г., роспись ратных людей Дедилова, Донкова, Орла, Новосиля, Пловы и Соловы показывала, что от них в полки должно было быть выставлено 1,3 тыс. детей боярских и 1 тыс. казаков с пищалями³⁰. Если же добавить к ним служилых людей из Тулы, Мценска и ряда других «заоцких» городов, то вполне возможно, что три полка «заречного» разряда могли насчитывать до 3

или даже более тысяч ратных людей. Вот и выходит, что только два не самых больших разряда, «опришнинской» и «заречный», могли насчитывать до 8—10 тыс. ратных людей, а еще остается главный, «береговой» разряд из пяти полков. Сколько было в нем людей — сказать точно невозможно, ибо точно неизвестно какие «города», сколько стрельцов, казаков и даточных людей его составляли. Вместе с тем, 14 служилых «городов», что названы в «Синодике по убиенным во брани», в Полоцкий поход 1562/1563 гг. выставили 5 тыс. детей боярских, в Молодинскую кампанию 1572 г. 11 «городов» «Синодика» — около 2,4 тыс., а в Ливонском походе 1577 г. 4 «города» из того же списка — 800 детей боярских³¹. И совершенно очевидно, что список «городов» в «Синодике» далеко не полон³²! Все это позволяет нам предположить, что цифра в 35—40 тыс. ратных людей во всех трех разрядах вполне реальна, а с учетом не только «сабель и пищалей», но и многочисленного не боевого элемента, сопровождавшего тогдашние рати — обозных-кошевых и собранной с посадов и деревень посохи, выполнявшей вспомогательные работы, могла быть и больше. В любом случае, совершенно очевидным представляется, что весной 1571 г. на южной границе была развернута большая или, во всяком случае, значительная часть тех сил, которыми располагало на тот момент Русское государство. Поэтому никакого сколько-нибудь существенного численного преимущества над русскими татары не имели и иметь не могли.

К сожалению, татарские документы, из которых можно было бы почерпнуть сведения о численности ханских ратей, не сохранились. В том же, что такие списки были, сомневаться не приходится — об их существовании недвусмысленно говорит такой достаточно осведомленный автор, как официальный историограф предшественника Девлет-Гирея, Сахиб-Гирея I, Реммаль-ходжа³³, Правда, современники оценивали численность татарских полков, выступивших в поход с Девлет-Гиреем, самое большее примерно в 40 тыс. всадников. Именно эти данные называют ливонцы И. Таубе и Э. Крузе, видимо, у них позаимствовал эти сведения ливонский же хронист Б. Рюссов.

Примечательно, что эту цифру озвучил в разговоре с посланником Речи Посполитой и Иван Грозный³⁴. Вряд ли Иван Грозный был заинтересован в приуменьшении численности татарского войска — скорее наоборот, оправдывая свое поражение, он мог преувеличить размеры девлет-гиреевых полчищ. Поэтому 40 тыс. всадников можно считать тем верхним пределом при исчислении крымской рати в этой печальной памяти кампании, выше которого все остальные значения будут заведомо неправдоподобными и «баснословными». При этом отметим, что, если судить по стремительности действий татар и по тому, что русские сторожи умудрились упустить на время Девлет-Гиреевы полки из виду, можно предположить, что под началом хана в набег выступило все же меньше, чем 40 тыс. людей³⁵.

Исходя из приведенных выше оценок численности русских и татарских войск, можно заключить, что речь можно вести о примерном равенстве сил. Более того, вполне возможно, что при своевременном «сходе» всех полков всех трех разрядов московская рать была бы даже многочисленнее. Единственно, в чем татары, скорее всего, имели неоспоримое превосходство, так это в коннице. Русские столь же неоспоримо располагали намного большим числом пехоты, вооруженной огнестрельным оружием — стрельцы и казаки вместе с даточными людьми и послужильцами детей боярских, часть которых, по опыту, к примеру, казанского похода 1552 г., также была вооружена пищалями. И, конечно же, русская артиллерия была намного мощнее татарской. Кстати, доступные источники дружно молчат относительно присутствия в ханском войске «наряда» и аркебузир-тюфенгчи — видимо, хан, отправляясь в набег за ясырем, не взял их с собой, не желая, чтобы они связывали его воинство.

Имея на руках два таких козыря, как многочисленная и хорошо обученная пехота и сильная артиллерия, царские воеводы могли достаточно уверенно рассчитывать на победу в «прямом деле» с неприятелем. Однако, как отмечал француз Г.Л. де Боплан, в степной войне «побеждает более хитрый, а не более сильный»³⁶. И вот здесь впору задать вопрос. В отечественной исторической

литературе прочно утвердилось мнение³⁷, что хан направился к Москве, поскольку де взятые пленные и перебежчики сообщили ему, что путь на русскую столицу чист, «на Москве и во всех городех мор и меженина великая»³⁸, что русское войско ушло «в немцы»³⁹ и что «с крымские де стороны в городех воевод и заставы нет»⁴⁰. Впервые оно встречается, судя по всему, у Н.М. Карамзина⁴¹. Между тем, как было показано нами, на самом деле ситуация на границе существенно отличалась от той, которую рисовали хану пленные («Федька Сенькин сын Жуков со товарищи») и перебежчики — ногайский мурза Ибрагим с сыновьями, двумя другими мурзами и 130 ногаями, галичский сын боярский Башуй Сумароков и «дети боярские белевцы Кудеяр Тишенков да Окул Семенов, да колужане Ждан да Иван Васильевы дети Юдинкова, да коширяне Федор Лихарев, а прозвище Сотник, да серпуховитин Русин, а с ними десять человек их людей»⁴².

Их показания, при внимательном анализе, представляют искусную смесь правды, полуправды и откровенной дезинформации. Да, Русскую землю поразили голод и мор, да, Иван отправил часть своих «воинников» «в немцы», под Ревель, однако по прежнему в украинских городах «годовали» воеводы со своими ратными людьми, весной, как всегда, на «берегу» развернулась обычная 5-полковая рать. Причем, и это стоит отметить особо еще раз, командовали «береговым» разрядом воеводы, занимавшие высшие позиции в русской военно-политической элите того времени. Суммарный наряд сил, выделенных для того, чтобы организовать достойную встречу хану и его полкам, говорит сам за себя. Это подтверждает тезис А.В. Виноградова, что подготовка Девлет-Гиреем похода на Москву вовсе не была такой уж неожиданностью для Ивана IV и Боярской думы — выступление хана ждали⁴³. И как тогда воспринимать настойчивые, повторяемые раз за разом, предложения перебежчиков хану идти «прямо к Москве»?

Одним словом, если отойти в сторону от господствующей в отечественной историографии точки зрения, а посмотреть на события, предшествовавшие

майской трагедии 1571 г., со стороны, то выходит, что Иван Грозный и Боярская дума вовсе не «продемонстрировали пассивность в деле организации обороны», о чем писал, к примеру, А.В. Виноградов⁴⁴. Напротив, они предприняли все необходимое для того, чтобы встретить Девлет-Гирея во всеоружии. Тут меры как дипломатические (попытка воздействовать на ситуацию отправкой дипломатической миссии в Стамбул и продолжением дипломатических контактов с ханом), так и военные (заблаговременное развертывание полков на южном направлении и реорганизация сторожевой службы). Осмелимся предположить, что была также осуществлена специальная операция, цель которой заключалась во введении хана в заблуждение относительно готовности Ивана к отражению набега и наведении татарского воинства на русские рати, выстроившиеся на «берегу» в ожидании незваных гостей. Однако в этой системе произошел сбой, который привел к столь печальному итогу, о чем будет сказано далее.

Выступление Девлет-Гирея в исторический поход произошло не позднее середины апреля. Во всяком случае, 14 марта 1571 г. на р. Альма он собрал военный совет, на котором было принято окончательное решение идти походом на «московского», а 5 апреля хан двинулся с Альмы к Перекопу, выйдя за который, присоединил к своему войску ногаев, кочевавших в таврических степях⁴⁵. Отсюда «царь» направился сперва на северо-восток, к реке Молочной, где к нему доставили первых пленников — упомянутого выше Федьку Жукова, и оттуда, выйдя на Муравский шлях, Девлет-Гирей со своими «полками» пошел на север, к государевой окраине.

Действовавшие в Поле дозоры реорганизованной комиссией под началом князя М.И. Воротынского сторожевой службы сумели своевременно обнаружить выступление татар и их приближение к русским рубежам. Случилось это, судя по всему, ориентировочно в первых числах мая 1571 г. Станичники предупредили совершавших с инспекцией объезд Поля и «польских» сторож князя М. Тюфякина и М. Ржевского о том, что «...пошел

царь крымской на государевы украины», и с этим известием воеводы поспешили в Москву. О том, что выдвижение татар было обнаружено сторожами, сообщали также немецкие авантюристы Таубе и Крузе. Таким образом, русская разведка, вопреки мнению Р.Г. Скрынникова, сработала как должно, и известия о выступлении татар были получены в Москве своевременно. Внезапного нападения, о котором писал историк, у хана не случилось⁴⁶.

Известия о начале похода Девлет-Гирея, полученные в русской столице, привели в действие московскую военную машину. 16 мая Иван Грозный выступил с опричным войском, насчитывавшим, по его словам, 6 тыс. воинов, на «берег». Еще раз подчеркнем, что, на наш взгляд, В.В. Каргалов, равно как и Р.Г. Скрынников, когда писали о том, что на берегах Оки развернулось всего лишь 6 тыс. русских воинов, ошибались, поскольку из контекста речи Ивана Грозного следует, что он имел в виду только «своих», то есть опричное воинство, которое лично вел к Серпухову. Полки на «берегу» были приведены в готовность, сходные воеводы, оставив гарнизоны в украинских городах, поспешили на соединение с главными силами на Оке. Казалось, были предприняты все необходимые меры для того, чтобы планы крымского хана были сорваны.

Сам хан на первых порах, судя по всему, не знал, что скрытного выхода к русской границе не получилось и его рати обнаружены. Он продолжал медленно двигаться по Муравскому шляху на север. Вряд ли Девлет-Гирей изначально предполагал, что ему удастся выйти к Москве и нанести поражение русскому войску. Напротив, складывается впечатление, что хан и его окружение рассчитывали прежде всего ополониться, не вступая в бой с главными силами русского войска, и компенсировать тем самым долгое отсутствие в Крыму «поминок» как из Москвы, так и из Вильно. В пользу такого предположения свидетельствуют как относительная немногочисленность татарского воинства, отсутствие в нем артиллерии и

пехоты, так и выступление против предложения Федьки Жукова двигаться прямо на Москву «царевичей и князей, и мурз, и всей земли», потребовавших идти на «козельские места»⁴⁷, давно не подвергавшихся набегам и потому обещавших богатую добычу. Хан не стал спорить и согласился с их предложением, видимо особо не стремясь испытывать на прочность русскую оборону и терпение своих «верноподданных».

Достигнув района Кром, хан форсировал здесь Оку, о чем позднее составленная московскими дьяками «Книга Большому чертежу» сообщала: «А в реку Кромы блиско устья, от Кром семь верст, пала речка Ицка, вытекла из под Свиные дороги. А ниже Ицки верст с 6 пал в Оку с левые стороны Доброй колодезь, а на усть Доброго колодезя, на Оке, брод Быстрой; а в тот брод лезли татаровя, как в 79 году шел крымской царь под Москву...»⁴⁸. Отсюда хан двинулся по Пахнутцевой дороге на север, к Болхову, рассчитывая отсюда повернуть на Козельск.

На полпути между Орлом и Болховым, на «Злынском поле», хан и его воинство сделали дневку, и тут в татарский лагерь были доставлены «изменники» К. Тишенков со товарищи⁴⁹. И снова встает вопрос — что именно там произошло? Если верить донесению Севрюка Клавшова, московского гонца, записавшего слова татарского «князя» — московского же «доброхота» Сулеша, то «**царя изымал за узду** (выделено нами. — В.П., Т.П.) Кудеяр Тишенков и говорил: только де ты, приход к Москве, ничего ни учинишь, и те де меня на кол посади **у Москвы стояти де против тебя некому** (выделено нами. — В.П., Т.П.)» и «**вож де, государь** (Девлет-Гирей. — В.П., Т.П.), тебе **через Оку и до Москвы яз** (выделено нами. — В.П., Т.П.)...»⁵⁰. Если верить словам «государева изменника», то выходит, что ему и его товарищам неизвестно было ничего о том, что на «берегу» собрана немалая рать. Но вот Федор Лихарев — каширянин, а каширские дети боярские точно участвовали в несчастной битве на окраине Москвы 24 мая 1571 г. Выходит, Лихарев не ведает, что его собратья по служилой корпорации еще по зиме получили

царский наказ «лошадей кормить и запас пасти», а затем, по весне, указ «в три дни» быть в указанном для сбора месте? И Тишенков вызвался быть «царским» проводником-вожем через Оку (sic — !), да еще и хватается за узду ханского коня, не останавливаясь даже перед тем, чтобы поставить на кон свою жизнь, лишь бы хан пошел на Москву «через Оку»! Создается впечатление, что белевский сын боярский играет в этом эпизоде назначенную ему роль и любой ценой пытается направить хана по маршруту, который вывел бы татарскую рать прямо на русские полки.

Но загадки на этом не заканчиваются. Тишенков настойчиво предлагал хану двинуться к Москве через Оку. Традиционная версия развития событий обычно исходит из того, что хан последовал советам белевца и из-под Болхова двинулся «прямым путем на Москву». В.А. Колобков, к примеру, так и пишет, что «следуя в направлении, указанном перебежчиками, татарская конница двинулась на Болхов, затем, минуя Калугу, переправилась через Угру»⁵¹. Но при взгляде на карту видно, что путь из-под Болхова на Москву отнюдь не прямой, да и Ока, вожем через которую обещал стать Тишенков, все время находится в стороне от маршрута ханского войска. Логичным было бы предположить, что Девлет-Гирей, может быть благодаря действиям своих сторожей, заподозрил неладное, или располагал более надежной, чем показания перебежчиков, информацией о действительном положении дел. В результате он, с одной стороны, отказался от намерения подвергнуть «войне» «козельские места», а с другой — решил все же попробовать выйти непосредственно к Москве, под которой татары не были с 1521 г., с памятного и для русских, и для крымцев похода Мухаммед-Гирея I. Не распуская свои силы для «войны», он миновал Козельск, «перелез» через Жиздру под Перемышлем, а затем форсировал Угру западнее Калуги⁵².

Переправившись через Угру, эту последнюю преграду на пути татарских полков к русской столице (не случайно русские летописцы именовали ее «поясом пречистой Богородицы»⁵³) Девлет-Гирей бросил часть своей конницы

на Серпухов, рассчитывая нанести удар во фланг русским полкам, стоявшим здесь, а сам с главными силами устремился на северо-восток, к Москве. Его замысел, надо полагать, состоял в следующем. Идти к русской столице, имея в тылу не разгромленное русское войско, было смертельно опасно и к тому же чрезвычайно невыгодно — как, пограбив в окрестностях Москвы или, паче того, разорив ее, вывезти награбленное, если на пути домой стоят жаждущие реванша и мести русские полки? Поэтому хан и его советники, главным из которых был опытный полководец Дивей-мурза, рассчитывали, выбросив часть своих сил к Серпухову, заставить царских воевод сняться с их позиций и поспешить к Москве, а затем, атаковав главные силы русской рати на марше, разбить их. После этого можно было без опаски, как в 1521 г., «роспустить войну» и заняться грабежом.

Если принять во внимание эту гипотезу, то все встает на свои места и мозаика складывается. Земские воеводы, рассчитывая на успех предпринятой операции по дезинформации хана, ждали его на серпуховском направлении. Действительно, самый прямой путь на Москву пролегал именно здесь, там же находились и главные, самые удобные переправы через Оку. Поэтому они ослабили бдительность и не придали особенного значения тому, что ханское войско на время исчезло из поля зрения русских сторожей — зачем, если враг идет на Серпухов, ведомый известиями о том, что против него «стоять некому»⁵⁴? Кстати, в русском стане даже распространились слухи о том, что татары, как и осенью минувшего года, ушли обратно в Поле⁵⁵. Видимо, именно за это пренебрежение организацией постоянного наблюдения за неприятелем и попрекал Иван своих воевод, когда в разговоре с посланником Речи Посполитой заявил, что «в 4-х милях (примерно в 20 верстах, то есть в 2/3 обычного дневного конного перехода, если речь идет о польских милях. — В.П., Т.П.) я об них (татарах. — В.П., Т.П.) не знал... Передо мною пошло семь воевод со многими людьми, и они мне о татарском войске знать не дали. Хоть бы бич татарский принесли мне, и тут бы я их пожаловал; а хотя бы тысячу

моих людей потеряли, и мне бы двоих татар привели, и то бы за великое дело счел...»⁵⁶.

Неожиданный маневр Девлет-Гирея, обошедшего позиции русских войск на Оке под Серпуховым с запада, застал всех, и воевод берегового разряда, и самого Ивана Грозного, врасплох. Известие о том, что враг преодолел «пояс пречистой Богородицы» и вот-вот обойдет русские полки с тыла, — эта весть вызвала смятение и растерянность среди русского командования. И немудрено — как и полсотни лет назад, Девлет-Гирей и его военачальники существенно опережали русских в развертывании, хан держал все свое войско в кулаке и владел инициативой, тогда как русская рать оказалась растянута вдоль Оки от Серпухова до Коломны и не успевала сконцентрироваться для «прямого дела». Похоже, что перед нами тот самый случай фатальной ошибки, допущенной в ходе планирования кампании, о которой прусский военный теоретик Г. Мольтке-старший писал, что «если соображения, принятые за основание, оказываются неверными, то вся работа пропадает: даже одна ошибка, сделанная при первоначальном сосредоточении, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании...»⁵⁷.

Следы путаницы и неразберихи, в которые погрузилось русское командование, сохранили дошедшие до нас источники, повествующие о майских событиях 1571 года. Так, в частности, не ясно, как действовал Иван Грозный в эти дни⁵⁸. Для начала остановимся на хронологии событий. Выше уже было сказано, что, получив известие о появлении крымского хана, Иван со «своими» людьми выступил из Александровской слободы 16 мая. Годом ранее ему потребовалось 4 дня, чтобы добраться оттуда до Серпухова⁵⁹, следовательно, и на этот раз царь должен был прибыть со своими людьми в Серпухов не позднее 20 мая. Земское и опричное войско подошло к Москве 23 мая⁶⁰. Москву и Серпухов разделяют примерно 100 верст, следовательно, полки «берегового» разряда должны были покинуть «берег» 21-го, самое позднее 22 мая с тем, чтобы к вечеру 23-го выйти к московским окраинам. По всему

выходит, что Иван дошел все же до Серпухова и, по меньшей мере, сутки находился там. Возможно, что, как и в предыдущем году, по прибытии в Серпухов Грозный вызвал туда воевод берегового разряда на совещание, к которому как раз и подоспела весть о том, что «передовые люди (татарские. — В.П.,Т.П.) пришли на Угру на устье»⁶¹. От устья Угры (места ее впадения в Оку) до Серпухова по прямой около 100 верст, и гонец, сменяя лошадей, мог проскакать это расстояние менее, чем за сутки, следовательно, авангарды ханского войска вышли к переправе и начали «возиться» через Угру не позднее 20 мая 1571 г. До Москвы татарам оставалось преодолеть по прямой примерно 170 верст, а от Коломны до Москвы же Большому полку надо было пройти около 120 верст. Однако на самом деле эта небольшая фора у русских была эфемерна — пока весть с Угры достигла Серпухова, пока оттуда гонцы с приказами отходить к Москве доскакали бы до полков, разбросанных вдоль левого берега Оки на десятки верст, пока полки всядут в седло и выступят в поход... Одним словом, времени на размышления не оставалось, и промедление с принятием решения действительно было смерти подобно.

И решение было принято. Отказавшись от первоначального плана, так как собирать полки под Серпуховом было бессмысленно — татары вот-вот могли выйти в тыл войскам «берегового» разряда, Иван поспешно пошел со своими опричниками к Москве, что и нашло отражение в разрядных записях: «Государь царь и великий князь тогда воротился из Серпухова, потому что с людьми собратца не поспел (по нашему мнению, выделенную фразу надо воспринимать как указание на то, что общего схода полков не было. — В.П.,Т.П.)...»⁶². Приказ об отступлении получили и другие полки «берегового» разряда, к которым к тому времени присоединились воеводы «украинного» разряда со своими людьми: «а как государь про крымского царя от бояр весть учинилась, и государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси ис походу поворотился назад к Москве наспех»⁶³. Можно также предположить, что навстречу татарам был отряжен с небольшим отрядом «добрых о дву конь

изо всех полков» опричников (несколько сот человек в лучшем случае) опричный же голова Я.Ф. Попадейкин-Волынский с приказом, как в 1591 г., «над крымскими над резвыми перелазными людьми по государеву наказу чинить поиск сколько бог поможет»⁶⁴. Правда, действия головы оказались неудачны, и его отряд был разбит крымцами. Тем не менее, свою задачу он, пусть и частично, но выполнил, взял языков и на некоторое время сумел сдержать выдвижение неприятеля. Во всяком случае, после этих событий карьера опричного воеводы пошла в гору⁶⁵.

Предпринятые срочно контрмеры позволили Ивану и его воеводам опередить Девлет-Гирея и Дивей-мурзу, и если татарский замысел был в том, чтобы разгромить противника на марше, то он не удался. Главные силы русского войска вышли к окраинам Москвы «канун вознесеньева дня», который в 1571 г. приходился на четверг, 24 мая. Таким образом, они совершили форсированный марш, преодолев за пару дней от 100 до 120 и даже более верст, в зависимости от того, где стояли. 23 мая, как уже говорилось выше, русские ратники в порядке, «по полком», подошли к городу⁶⁶. Еще ничего не было потеряно — хотя столичный посад в то время и не был укреплен⁶⁷, тем не менее, московский Кремль и возведенные во второй половине 1530-х гг. фортификации Великого посада⁶⁸ представляли собой мощную оборонительную преграду, преодолеть которую татарам было не под силу. На московских окраинах встали на позиции главные силы русского войска, диспозиция которых, согласно разрядным записям, выглядела следующим образом: «Князь Иван Дмитриевич Бельской да Михайло Яковлевич Морозов стояли на Большой на Варламской улице. Правая рука князь Иван Федорович Мстисловской да Иван Меньшой Васильевич Шереметев в Якимовской улице. Передовой полк князь Михайло Иванович Воротынской да князь Петр Иванович Татев стояли на Тоганском лугу против Крутицы. А **опришнинской**

розряд стоял князь Василей Иванович Темкин Ростовской за Неглинною (выделено нами. — В.П., Т.П.)* ...»⁶⁹.

Вслед за русскими, видимо, во второй половине дня 23 мая, к Москве вышел и Девлет-Гирей со своим воинством. Сам хан разбил свою ставку, по словам ливонских авантюристов, в Коломенском, а его сыновья — в Воробьеве. Татарские фуражиры, рассыпавшись по московским окрестностям, принялись, по своему обыкновению, «душить, грабить и жечь»⁷⁰. Вряд ли их действия остались безнаказанными, но приближавшаяся ночь не позволила отдельным стычкам перерасти в полноценное сражение. «Прямое дело» было отложено на завтра, 24 мая, «на Вознесение господина нашего Иисуса Христа и на память преподобного отца нашего Симиона столпника, иже на Дивней горе чудотворца»⁷¹.

К сожалению, ход сражения, начавшегося у предместий Москвы ранним утром 24 мая 1571 г., не поддается достоверной реконструкции — можно лишь, по аналогии с битвой при Молодях годом позже, попытаться, сопоставив скудные свидетельства русских летописцев и разрядных книг с победной ханской реляцией, отправленной турецкому султану, нарисовать вероятный сценарий развития событий. Однако, прежде чем перейти непосредственно к «прямому делу» утром 24 мая, и его последствиям, в нескольких словах коснемся существующих в историографии точек зрения относительно сражения. Мнения о том, насколько оно было масштабным, расходятся. Так, А.А. Зимин и Р.Г. Скрынников основное внимание уделяют московскому пожару, который заслонил всё своим апокалиптическим масштабом, и его последствиям, а о сражении высказываются буквально одной строкой, указывая

---

* Выходит, что опричники вовсе не бежали вместе с царем на север, а остались стоять на окраинах столицы рядом с земскими полками? И тогда был неправ неизвестный автор приписки к Никоновской летописи, писавший о том, что Иван бежал из-под Серпухова мимо Москвы в Слободу со своими опричниками!

на имевшие место «вылазки» русских и «стычки» между ними и татарами⁷². В.П. Загоровский вообще практически никак не касается самого сражения, ограничившись замечанием, что тактика И.Д. Бельского оказалась неудачной, а крымцы не стали ввязываться в уличные бои⁷³. В.А. Колобков говорил об «ожесточенном сражении», также не слишком вдаваясь в его детали⁷⁴. Французская исследовательница Ш. Лемерсье-Келькеже, опираясь на ханскую реляцию, пришла к выводу о том, что на окраинах Москвы была серьезная битва⁷⁵. Ее позиция была подвергнута критике А.В. Виноградовым и А.В. Маловым, которые пришли к выводу, что «несмотря на упорно повторяемые историками сообщения о поражении русских войск под Москвой в 1571 г., никакого сколь-либо значимого сражения между московскими и татарскими войсками в этом году под стенами столицы не было (не говоря уже о «страшном поражении»)»⁷⁶.

Соглашаясь с А.В. Виноградовым и А.В. Маловым относительно того, что русское войско на московских окраинах 24 мая 1571 г. не потерпело «страшного поражения», тем не менее, мы полагаем, что сражение все же имело место. И это «прямое дело» было достаточно серьезным по своему размаху, закончившись поражением русских, масштабы которого, однако, были сильно преувеличены. Кстати, это преувеличение сыграло злую шутку с Девлет-Гиреем, когда он годом позже попытался закрепить свой успех. Приведем доводы в защиту своей точки зрения. Прежде всего, как уже было показано выше, есть все основания полагать, что численность московских ратей была достаточно велика, и ее оценка, даваемая Девлет-Гиреем в реляции султану (30 тыс. конницы и 6 тыс. пехоты — надо полагать, стрельцов и казаков), выглядит вполне правдоподобной⁷⁷. Далее, некоторые детали, сообщаемые в ханской реляции, также позволяют принять во внимание

описание сражения, данное Девлет-Гиреем^{**}. В частности, реляция сообщает, что русские, отступив к Москве, поспешили отабориться и из вагенбурга вступили в бой с татарами: «[Московиты] расположились укрепленным лагерем [табором] и дали бой»⁷⁸. Применение вагенбурга русскими воеводами, как, впрочем, и крымцами, имело давние традиции⁷⁹. Поэтому тактический прием, примененный М.И. Воротынским в битве при Молодях в июле-августе 1572 г., явно не был такой уж большой новинкой⁸⁰. Отметим также мнение О.А. Курбатова, который, анализируя тактику русской конницы «сотенной службы», отмечал, что русские воеводы, избегая лобовых столкновений с неприятелем, предпочитали вылазки из укрепленных лагерей⁸¹. Следовательно, фраза из летописца, подтверждаемая свидетельством немецкого авантюриста Г. Штадена, о том, что в 1572 г. «полки учили, выходя из обозу, битися: большей полк, правая рука и передовой и сторожевой, которой же полк по чину»⁸², вполне может быть отнесена и к сражению за Москву.

Общая же картина произошедшего ранним утром 24 мая 1571 г., по нашему мнению, могла быть такой. С рассветом (в 5-м часу) хан отправил своих «резвых людей» «травиться» с русскими. В свою очередь, как писал летописец, «князь Иван Дмитриевич Бельской выезжал против крымских людей за Москву реку на луг за Болото и дело с ни[ми] делал»⁸³. По мере разворачивания схватки Девлет-Гирей и Бельский вводили в бой все новые и новые силы, конные сотни с той и другой сторон бились «лучным боем» и сходились друг с другом в «сьемном бою», врукопашную, на копьях и саблях. Схватка долгое время шла с переменным успехом, как, впрочем, и всякая «травля». Если верить Таубе и Крузе, то хан бросил в бой 20 тыс. своих всадников, и нельзя исключить такой возможности, что, получив временный перевес на поле боя, крымцы сумели оттеснить русских частью к табору, частью — на московские окраины⁸⁴. Что

---

^{**} Следует также учесть, что султан имел и иные источники информации, а отношения между Стамбулом и Бахчисараем были далеки от идиллии, поэтому вряд ли хан осмелился бы в этих условиях безбожно лгать своему сюзерену.

произошло дальше — неясно. Девлет-Гирей похвалялся, что его воинам удалось ворваться на плечах отступающих в русский вагенбург, «откуда смогли спастись немногие неверные, которые со своим командующим укрылись во внутренней крепости»⁸⁵. Полностью исключить такой возможности нельзя, можно даже предположить, что этот прорыв был связан с ранением «большого» воеводы И.Д. Бельского. Последний, видя, что татары теснят его людей, попытался контратаковать, как воевода И. Шереметев Меньшой в 1555 г. в сражении при Судьбищах, но был ранен⁸⁶, его люди смешались, и на плечах бегущих крымцы могли ворваться в укрепленный лагерь.

Не менее вероятен и другой сценарий — в ходе боя, в «пятом часу» (в 9-м часу утра), неприятельские всадники «разорваша острог за Неглинною от Ваганкова и зажьгоша посад» (выходит, что татарам удалось опрокинуть опричников), и «начяша буря велия, начашя с хором верхи с огнем носити по всем улицам»⁸⁷. С началом большого пожара русское войско смешалось, и этим воспользовались крымцы, сумев ворваться в табор. В последовавшей схватке были убиты «сходные» воеводы — донковский И.И. Козлина Тростенский и новосильский Ф.П. Деев, ранен «большой» воевода Д.И. Бельский, которого его люди сумели увезти в Москву на княжеское подворье, где он вместе со своими близкими и дворовыми задохнулся от дыма: «преставися з дыму и от великого пожару, а был ранен во многих местех от татар месяца мая в 24...»⁸⁸. Сам факт, что были убиты два воеводы и ранен главнокомандующий, которому по рангу было не положено вступать в схватку (для этого были вторые и третьи полковые воеводы, сотенные головы и рядовые дети боярские), свидетельствует в пользу упорного и ожесточенного сражения. На память приходят только два дела, в которых были убиты «большие» воеводы — Оршанское в 1514 г. и Ульское пятьюдесятью годами позже, причем обе битвы были проиграны русскими. Отметим также, что, судя по потерям в командном составе, помимо опричников, в бою сильно пострадал большой полк, который, видимо, и оборонял вагенбург.

Так или иначе, но отбить врага русские полки не смогли, а начавшийся пожар стремительно превратился в подлинную катастрофу — сильный ветер раздул огонь и «до девятого часу городы и церкви и посады — все выгорело»⁸⁹. Город был уничтожен практически полностью, за исключением Кремля, который получил сильные повреждения от взрывов пороховых складов: «... в ту же пору вырвало две стены городских: у Кремля пониже Фроловского мосту против Троицы, а другую в Китае против Земского двора; а было под ними зелия». О том, что бедствие имело колоссальный размах и принесло огромные разрушения и жертвы среди населения, в один голос говорят как русские, так и иностранные источники: «и от посадов и в Китае и в Старом городе дворы выгорели и людей безчислено множество погорело и лошадей»⁹⁰. Хан, пораженный зрелищем огненной бури, отвел свои войска от пылающей Москвы и встал в Коломенском, оттуда наблюдая за зрелищем грандиозной катастрофы, охватившей столицу Ивана Грозного. Немногие татары, что решились на свой страх и риск разжиться трофеями в охваченном огнем и паникой городе, погибли вместе со множеством москвичей.

Не касаясь общего количества жертв этого пожара, что не входит в предмет нашего небольшого исследования, хотя сообщаемые некоторыми современниками цифры в десятки и сотни тысяч погибших явно завышены, остановимся подробнее на вопросе потерь русского войска в эти дни. Традиционно считается, что земские и опричные полки понесли огромный урон, как писал Штаден, «в живых не осталось и 300 **способных к бою** (выделено нами. — В.П.,Т.П.)...»⁹¹. Однако такая точка зрения, основанная на эмоциональных описаниях московского пожара, оставленных современниками, представляется нам чрезмерно пессимистической. Безусловно, потери были, и достаточно серьезные, кроме того, армия практически полностью пришла в расстройство. Именно поэтому в свидетельстве Штадена мы и выделили слова «способных к бою», то есть сохранивших оружие и коней и способных вступить в дело. Это расстройство не в последнюю очередь было связано с тем,

что вследствие пожара были практически полностью уничтожены обозы армии, оставленные перед сражением на московских улицах, пало множество заводных и вьючных коней, пострадал наряд, в особенности запасы «зелья».

Однако согласиться с тем, что русское войско было полностью разгромлено и большей частью погибло под стенами Москвы и в пожаре, нельзя. Прежде всего, если бы царские полки полегли в горящей столице и на ее окраинах, то почему в таком случае Девлет-Гирей, который непременно из показаний «языков» был осведомлен о состоянии русского войска, повернул от Москвы назад? Кто и что помешало ему подвергнуть опустошению города и уезды к северу и северо-востоку от русской столицы? Неужели боязнь мифического «магнусова» войска, которое вроде бы как было послано на помощь Москве⁹²? Но важнее другое. Сама система комплектования русской армии, в то время состоявшей преимущественно из поместной конницы, не позволяла быстро компенсировать большие потери. Следовательно, если бы служилые «города» в 1571 г. были обескровлены, то в следующем году воевать с татарами было бы попросту некому. Между тем, если сопоставить сведения по некоторым служилым городам по двум кампаниям — полоцкой 1562/1563 гг. и молодинской 1572 г., то катастрофического сокращения их численности мы не наблюдаем⁹³. Следовательно, можно с достаточно высокой степенью уверенности предположить, что русское войско не было наголову разгромлено. В этом мы согласны с точкой зрения А.В. Виноградова и А.В. Малова о том, что «страшного поражения» 24 мая 1571 г. в действительности не случилось⁹⁴. Армия прежде всего нуждалась в приведении в порядок и реорганизации⁹⁵. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что, когда 26 мая татарская конница повернула от Москвы назад по рязанской дороге, подвергнув по пути опустошению юго-восточную «украину» Русского государства, ее «проводил» один только один лишь передовой полк под началом князя М.И. Воротынского⁹⁶. Только после завершения нашествия, спустя несколько недель, на «берегу» были развернуты 3 полка⁹⁷.

Одним словом, создается впечатление, что хан не был готов к столь радикальному повороту событий. Он же шел просто пограбить государеву украйну, а тут такая удача свалилась буквально с неба! И, подобно Ганнибалу после Канн, Девлет-Гирей не стал развивать свой успех, добивать врага и вынуждать его на пепелище собственной столицы подписывать капитуляцию. Он или испугался своей победы, или решил не загонять Ивана в угол, отрезая ему всякие пути отступления. Потому хан пока решил удовольствоваться синицей в руках, нежели рисковать ради журавля в небе, и приказал отступить к югу, распустив по дороге домой «войну». Кстати, «синица», судя по всему, оказалась весьма приличной. Во всяком случае, татарский посол, прибывший в Варшаву к Сигизмунду II вскоре после возвращения хана из победоносного набега, похвалялся тем, что воины его повелителя перебили 60 тыс. русских и еще столько же захватили в плен⁹⁸.

Вместе с тем, нанеся своему противнику сильнейший удар и обеспечив себе отличные позиции на случай продолжения переговоров, Девлет-Гирей, стремясь выжать из сложившейся ситуации максимум возможного, еще на обратном пути в Крым отправил к Ивану IV свое посольство⁹⁹. 15 июня в старинном дворцовом селе Братошино к северо-востоку от Москвы, в Дмитровском уезде, на Троицкой дороге, оно было принято русским царем. Со временем эти переговоры обросли массой полуполюгендарных деталей и подробностей, но несомненно одно — проходили они в чрезвычайно напряженной и драматической обстановке. Б.Н. Флоря указывал, что живописные детали, сообщаемые современниками, не подтверждаются материалами посольских книг, однако «переговоры оказались для царя тяжелым испытанием...» самим фактом того, что татарские посланники фактически безнаказанно могли позволить себе оскорблять его, православного царя, главу всего православного мира. И это, продолжал историк, «...было для Ивана IV глубочайшим унижением, забыть и простить которое он никак не мог». Но как в таком случае могли сохраниться в официальной приказной

документации детали этих переговоров, столь оскорбительные и унижительные для Ивана? Учитывая же характер царя, мы отнюдь не считаем возможным не доверять сведениям о том, как проходила встреча Ивана Грозного с татарскими послами¹⁰⁰.

Передавая рассказы, ходившие по Москве, Дж. Горсей писал, что крымский посол, приведенный к царю, заявил, что он де послан своим господином «...узнать, как ему пришлось по душе наказание мечом, огнем и голодом, от которого он посылает ему избавление (тут посол вытащил грязный острый нож), — этим ножом пусть царь перережет себе горло». При этом посол, как писал Б.Н. Флоря, пояснил, что «были у нас аргамаки, и яз к тебе аргамаки не послал, потому что ныне аргамаки истомны», а в ханском послании и вовсе содержалось прямое оскорбление. Девлет-Гирей обвинил Ивана в трусости¹⁰¹.

Из этого было ясно, что война вовсе не закончена, тем более и условия Девлет-Гирея, переданные Ивану, были таковы, что московский государь не мог их удовлетворить полностью. Хан требовал не только выплаты ему ежегодной дани, подобной той, что обязался платить Василий III Мухаммед-Гирею после катастрофы 1521 г., но прежде всего передачи Астрахани и Казани, ради которых хан был даже готов отказаться от обязательных «поминков». Иван же, по словам летописца, принимая послов, «...нарядился в сермягу, бусырь да в шубу боранью и бояря. И послом отказал: «Видишь де меня, в чем я? Так де меня царь зделал! Все де мое царство вышленил и казну пожег, дати де мне нечево царю!»...». Вместе с тем он, пытаясь выиграть время, выразил готовность уступить хану Астрахань при условии заключения военного союза или, в крайнем случае, совместном посажении ханов на астраханский трон¹⁰². Естественно, Девлет-Гирей должен был счесть эти уступки недостаточными, что в Москве прекрасно осознавали. Судя по всему, эти переговоры были затеяны Иваном Грозным с одной целью — потянуть время, подготовиться к неизбежному второму акту драмы, который и должен был стать решающим.

---

¹ Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех» // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы. — М., 2011. — Вып. 2. — С. 250.

² Цит. по: Флоря Б.Н. Иван Грозный. — М., 2003. — С. 267.

³ См., напр.: Виноградов А.В. Русско-крымские отношения: 50-е — вторая половина 70-х годов XVI в. — М., 2007. — Т. II. — С. 191—195; Зимин А.А. Опричнина. — М., 2001. — С. 270—275; Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. — СПб., 2004. — С. 415—419; Скрынников Р.Г. Царство террора. — СПб., 1992. — С. 424—430; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. — М., 2003. — С. 557 и др.

⁴ См.: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. — М., 2004. — С. 151—153; Загорский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — Воронеж, 1991. — С. 160—168.

⁵ См., напр.: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI — XVII веков. — М., 1980. — С. 199—203, 207.

⁶ Там же. — С. 223, 226, 267. Историк предположил, что это мог быть кто-то из дьяков или подьячих Разрядного приказа, мы же полагаем, что неизвестным автором, решившим дополнить попавший ему в руки список, был один из монахов Троице-Сергиевой Лавры, где, по мнению Б.М. Клосса, рукопись оказалась в начале 80-х гг. XVI в.

⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (далее — Никоновская летопись) // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 2000. — Т. XIII. — С. 300—301.

⁸ См., напр.: Летописные заметки за 7030-7137 (1522-1629) года // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). — 1896. — Кн. 4. — IV. Смесь. — С. 2; Летописчик Игнатия Зайцева (Зимин А.А. Краткие летописцы XV — XVI вв. // Исторический архив.

— М.-Л., 1950. — Т. V. — С. 21—22; Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. — 1941. — Т. 10. — С. 92.

⁹ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники 1980. — М., 1981. — С. 237. Ср. аналогичный рассказ в Пискаревском летописце: Пискаревский летописец // ПСРЛ. — М., 1978. — Т. 34. — С. 191—192.

¹⁰ Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. — М., 2005; Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. — М., 1962.

¹¹ Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. — С. 73, 81—82.

¹² Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. — С. 79; Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. — С. 79.

¹³ См., напр.: Разрядная книга (далее — РК) 1550—1636. — М., 1975. — Т. I. — С. 185—190; РК 1559—1605. — М., 1974. — С. 69—75; РК 1475—1605. — М., 1982. — Т. II. — Ч. II. — С. 275—283.

¹⁴ См.: Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. — М., 1790. — Ч. XIII. — С. 414—419; РК 1475—1598. — М., 1966. — С. 238—240.

¹⁵ См., напр.: Толстой Д. Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам королевства Польского и Великого княжества Литовского, чрез их посла переданная // ЧОИДР. — 1847. — М., 1848. — Кн. 9. — IV. Смесь. — С. 298.

¹⁶ См., напр.: Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. — 1922. — Кн. 8. — С. 52—53; Скрынников Р.Г. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // Вопросы истории. — 1999. — № 1. — С. 140.

¹⁷ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI — XIX веков из древлехранилищ Турции. — Казань, 2008. — С. 194.

¹⁸ Виноградов А.В. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения: 50-е — вторая половина 70-х годов XVI в. — С. 182—183.

---

¹⁹ Мы не исключаем и вероятности того, что султан Селим II и его окружение были осведомлены о попытках римской курии и Венеции вовлечь Россию в войну с Турцией в 1570 г. (см., напр.: Шмурло Е.Ф. Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. — СПб., 1908. — Т. 2. — Вып. 1. — С. 227—236). Тогда возможно они решили не препятствовать походу Девлет-Гирея против русских, чтобы отвлечь внимание Москвы и не дать ей оказать поддержку антиосманской коалиции.

²⁰ РК 1475—1598. — С. 238—239; РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 276—277.

²¹ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. — М., 1986. — С. 182—184; Выдержки из синодика «по убиенным во брани» // Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 209—212; РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 277.

²² Толстой Д. Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам королевства Польского и Великого княжества Литовского, чрез их посла переданная. — С. 298.

²³ Каргалов В.В. Московские воеводы XVI—XVII вв. — М., 2002. — С. 47; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Т. 6. (Сочинения. — М., 1993. — Кн. 3). — С. 587.

²⁴ Напр., А.В Малов в последней по времени издания работе о событиях 1571—1572 гг., см.: Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех». — С. 226—227.

²⁵ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 164—165; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 425.

²⁶ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI — XIX веков из древлехранилищ Турции. — С. 194; Скрынников Р.Г. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного. — С. 140.

²⁷ Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — М., 2008. — С. 102.

---

²⁸ Именно столько опричных стрельцов прибыло в Новгород охранять государеву казну: Новгородские летописи. — СПб., 1879. — С. 339. Для сравнения, в Ливонском походе 1577/1578 г. участвовало 1280 стрельцов «государева двора и дворовых городов» (РК 1475—1605. — М., 1982. — Т. II. — Ч. III. — С. 462).

²⁹ Мы исходим из того, что в списки дворян и детей боярских, что выдавались на руки воеводам, вписывались только сами дети боярские, без их послужильцев.

³⁰ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. — 1959. — № 4. — С. 175—177.

³¹ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 125—128; Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 175—177; РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. III. — С. 459—462.

³² Мы склоняемся к тому, что в этот список занесены служилые люди из понесших наибольшие потери корпораций, входивших прежде всего в состав большого полка

³³ См., напр.: Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. — Казань, 2001. — С. 405.

³⁴ См.: Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — С. 52; Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. — Рига, 1880. — Т. III. — С. 204; Толстой Д. Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам королевства Польского и Великого княжества Литовского, чрез их посла переданная. — С. 298.

³⁵ Р.Г. Скрынников отмечал, что под началом хана было около 30—40 тыс. собственно крымских всадников, а также некоторое количество ногаев и черкесов (Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 424).

---

³⁶ Боплан Г.Л. де. Описание Украины. — М., 2004. — С. 249.

³⁷ См., напр.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 162—163.

³⁸ Что было правдой — сведения об эпидемии и голоде подтверждаются как русскими источниками, так и свидетельствами иностранцев. Например, в летописчике Игнатия Зайцева было записано, что «Лета 7079 мор был добре велик, в Осифе монастыре преставилося 74 браты, а миряня, слугы и дети и мастера, все вымерли, и села все пусты, отчясти ся что остало. А починали мерети с Ълиина дни да до Николина дни осеняного. Лета 7078. А овса четь купили в меже[ни]ну по полтине» (Зимин А.А. Краткие летописцы XV – XVI вв. — С. 21—22). См., напр.: Кобрин В.Б. Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. — М.-Л., 1958. — Т. XIV. — С. 267; Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом, о жизни и тирании государя Ивана // Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. — Рязань, 2005. — С. 375; Пискаревский летописец // ПСРЛ. — М., 1978. — Т. 34. — С. 192; Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. V. Вып. 2. — С. 249; РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 283—284; Скрынников Р.Г. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного. — С. 140. В летописях записи о великом море и «меженине» датируются 7076-7079 гг. (Анхимюк Ю. В. Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания — новый источник по истории опричнины // Архив русской истории. — 1992. — № 2. — С. 128—129; Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 236—237; Летописные заметки за 7030—7137 (1522—1629) года // ЧОИДР. — 1896. — Кн. 4. — IV. Смесь. — С. 1). Отметим также, что неурожай коснулся не только Русской земли, но и Литвы: «Року 1569... Голод великий был, аж селедьявка по две копы было... 1571... рокь той был неврожанный, люди з голоду умирали» (Тихомиров М.Н.

Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. — М.-Л., 1951. — Т. VII. — С. 240—241).

³⁹ Отчасти правда — под Ревель, на помощь «королю» Магнусу, была направлена русская рать, но какова была ее численность? В два приема, в августе и октябре 1570 г., туда прибыло 6 воевод с небольшим «нарядом», причем, по свидетельству упоминавшегося ранее А. Шлихтинга, Магнус после прибытия второй русской рати располагал вместе со своими людьми около 7 тыс. чел. В январе 1571 г. к ним прибыл еще один отряд под началом двух воевод, а 16 марта осада была снята. При этом вышеуказанный отряд пришел «на перемену», так что возможно прежняя русская рать сразу снялась со своих позиций и убыла домой, на отдых. При любом раскладе 8 воевод могли командовать не десятками тысяч, но не более чем «несколькими тысячами» ратных людей, как и определяют численность московитов ливонские хронисты (см.: Ниенштедт Ф. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. — Рига, 1883. — Т. IV. — С. 40—41; Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом, о жизни и тирании государя Ивана. — С. 376; РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 257—258; Рюссов Б. Ливонская хроника. — С. 195—196, 200—201; Чумиков А. Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогом Магнусом королем Ливонским, голдовником царя Ивана Грозного // ЧОИДР. — 1891. — Кн. 2. — IV. Исследования. — С. 18, 23, 28, 30; Henning S. Liffländische Churländische Chronica von 1554 bis 1590. — Riga, 1857. — S. 66). Следовательно, ни о какой «тьмочисленной» московской рати, ушедшей под Ревель, и оголении вследствие этого польской «украины», речи быть не может — помощь Магнусу оказывала лишь небольшая часть тех сил, которыми располагал Иван IV.

⁴⁰ Что было неправдой — «годовая» роспись воевод по украинным городам была как 7078, так и 7079 гг. См., напр.: РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 252—254, 275—276.

---

⁴¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. — СПб., 1845. — Кн. III. — Т. IX. — Стб. 106.

⁴² Цит. по: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 162—163, 165.

⁴³ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения: 50-е — вторая половина 70-х годов XVI в. — С. 185—186.

⁴⁴ Там же. — С. 194.

⁴⁵ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения: 50-е — вторая половина 70-х годов XVI в. — С. 192-193; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 162—163.

⁴⁶ Акты Московского государства (далее — АМГ). — СПб., 1890. — Т. I. — С. 13; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 162—163; Рогинский М. Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — С. 52; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 424, 425. На этот факт первым обратил внимание В.П. Загоровский, см.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 163. В этой связи стоит отметить, что приводимое А.В. Виноградовым и А.В. Маловым указание Ивана Грозного гонцу Н. Ушакову, что он должен был заявить императору Максимилиану II, представляет собой искусную смесь правды и откровенной дезинформации: «крымской царь Государя нашего окрал — прислал ко Государю нашему царю и в к тое весны о перемирье гонцов своих, и Государь, оплошась на то, рать свою послал на непослушника своего на свейского короля, а сам Государь наш для земских исправ отъезжал по селом своим, оплошась на присылку крымского царя, и царь через свою. правду пришел с турками и с крымскими со многими людми на московские места и посады — у москвы пожег, а на москве были люди немногие а жили житейским делом, и осады не было, что царева прихода не ждали» (цит. по: Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех». — С. 228),

---

⁴⁷ См.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 163.

⁴⁸ Каргалов В.В. Московские воеводы XVI—XVII вв. — С. 47; Книга Большому чертежу. — М.-Л., 1950. — С. 114—115; РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 277—278; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 425; Толстой Д. Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам королевства Польского и Великого княжества Литовского, чрез их посла переданная. — С. 298.

⁴⁹ См., напр.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 165; Зимин А.А. Опричнина. — С. 271; Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. — М.-Л., 1950. — С. 38—39.

⁵⁰ Цит. по: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 166; Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. — С. 414.

⁵¹ Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. — С. 414.

⁵² Зимин А.А. Опричнина. — С. 406 (со ссылкой на сведения летописи); Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 426.

⁵³ См. напр.: Платонов С.Ф. К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI веке // Журнал Министерства народного просвещения. — 1898. — Ч. CCCXVI. Март. — С. 82.

⁵⁴ Нельзя исключить того факта, что, по опыту предыдущих и последующих набегов, татары и в 1571 г. стремились погромить русские заставы, чтобы лишить береговых воевод достоверной информации о своем местоположении и намерениях. Примером тому может служить история с царским фаворитом Василием Грязным, см.: Послания Ивана Грозного. — СПб., 2005. — С. 193; Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. — С. 532—533. Другой пример — события августа 1570 г., когда «ис Путимля писал князь Петр Татев, что

месячных сторожей на Обыкшенской да на Балыклейском громили татару человека с пятьсот и голову их Капусту Жидовинова взяли да товарищев их дву человека убили» (РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 260). Успешные действия татарских авангардов против русских сторож косвенно подтверждают сведения одной из разрядных книг, согласно которым воеводам на «берегу» «изо многих мест, которые станицы на поляни посылани, назад не приезживали, и про царя вести ни откуда ни бывало...» (РК 1550—1636. — Т. I. — С. 189).

⁵⁵ См.: Зимин А.А. Опричнина. — С. 271; Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. — С. 414.

⁵⁶ Толстой Д. Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам королевства Польского и Великого княжества Литовского, чрез их посла переданная. — С. 298.

⁵⁷ Мольтке Г. Военные поучения // Искусство войны. Антология. — СПб, 2000. — Т. 2. — С. 262.

⁵⁸ Трактовку его действий разными отечественными историками см., напр.: Загорский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 166—167; Зимин А.А. Опричнина. — С. 271; Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. — С. 414—415; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 426; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Т. 6. — С. 587 и др.

⁵⁹ См.: РК 1550—1636. — Т. I. — С. 181.

⁶⁰ См., напр.: РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 281.

⁶¹ РК 1550—1636. — Т. I. — С. 189.

⁶² РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 280

⁶³ РК 1550—1636. — Т. I. — С. 189.

⁶⁴ РК 1475—1605. — Т. III. — Ч. II. — С. 208, 210.

⁶⁵ Зимин А.А. Опричнина. — С. 271; Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — С. 31.

-
- ⁶⁶ РК 1550—1636. — Т. I. — С. 189.
- ⁶⁷ См., напр.: Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех». — С. 230.
- ⁶⁸ См., напр.: Носов К.С. Русские крепости конца XV — XVII в. — СПб., 2009. — С. 30.
- ⁶⁹ Никоновская летопись. — С. 301; РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 281. См. также: Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — С. 31; Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. — С. 430; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 426. Обращает на себя внимание, что в этой записи не указано, где находились полки сторожевой и левой руки — значит ли это, что они не успели выйти к Москве до начала решающего сражения?
- ⁷⁰ Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — С. 52-53.
- ⁷¹ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 237.
- ⁷² См.: Зимин А.А. Опричнина. — С. 272; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 426—427.
- ⁷³ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 167.
- ⁷⁴ Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. — С. 418.
- ⁷⁵ Лемерсье-Келькеже Ш. Походы Девлет-Гирея против Москвы в 1571 и 1572 году по документам Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. — Казань, 2009. — С. 214. К сожалению, полностью данная статья нам осталась недоступна.
- ⁷⁶ Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех». — С. 227.
- ⁷⁷ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI — XIX веков из древлехранилищ Турции. — С. 194. Прямых свидетельств русских источников о численности рати Ивана Грозного, собранной против крымского хана весной

1571 г., нет. Однако косвенные данные, как было показано нами выше, позволяют согласиться с мнением Ш. Лемерсье-Келькеже, оспорив утверждение А.В. Виноградова и А.В. Малова о том, таких сведений нет совсем (Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех». — С. 227; Лемерсье-Келькеже Ш. Походы Девлет-Гирея против Москвы в 1571 и 1572 году по документам Османского архива. — С. 214).

⁷⁸ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлехранилищ Турции. — С. 194.

⁷⁹ Так, он был использован русскими воеводами под Казанью, правда неудачно (Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. — М., 2006. — Т. XXVI. — С. 314).

⁸⁰ Поэтому нам представляется ошибочным мнение О.А. Курбатова, который полагал, что при Молодях русское войско впервые полностью укрылось под защитой «гуляй-города» — во всяком случае, в той его части, где говорится «впервые» (Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в. // Военная археология. — М., 2011. — Вып. 2. — С. 65).

⁸¹ Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в. — С. 60.

⁸² Московский летописец // ПСРЛ. — М., 1978. — Т. 34. — С. 225; Штаден Г. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. 1. Публикация. — С. 197.

⁸³ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 237.

⁸⁴ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлехранилищ Турции. — С. 194; Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — С. 53.

⁸⁵ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлехранилищ Турции. — С. 194.

⁸⁶ О ранении «большого» воеводы свидетельствуют русские источники, см., напр.: Бычков А.Ф. Описание церковно-славянских и русских сборников. — СПб., 1882. — Ч. 1. — С. 140; Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI

в. — С. 237; РК 1550—1605. — Т. I. — С. 189; РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 282.

⁸⁷ Цит. по: Зимин А.А. Опричнина. — С. 272.

⁸⁸ Об убитых и умерших воеводах см.: Бычков А.Ф. Описание церковно-славянских и русских сборников. — С. 140; Выдержка из синодика «по убиенным во брани». — С. 209.

⁸⁹ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 237.

⁹⁰ Зимин А.А. Опричнина. — С. 272; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 237; Летописчик Игнатия Зайцева. — С. 22; Московский летописец. — С. 191. Ср.: РК 1550—1605. — Т. I. — С. 189; РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 281. См., также: Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. — М., 1990. — С. 56; Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — С. 53; Рюссов Б. Ливонская хроника. — С. 204; Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI — XVII веков глазами дипломатов). — М., 1991. — С. 90; Чумиков А. Акты Ревельского городского архива. 1450—1610 гг. // ЧОИДР. — 1898. — Кн. 4. — IV. Смесь. — С. 19; Штаден. Г. О Москве Ивана Грозного. — С. 177; Henning S. Liffendische Kurlendische Chronica // Scriptorum Rerum Livonicarum. — Riga und Leipzig, 1853. — Bd. II. — S. 259.

⁹¹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. — С. 177. Точку зрения о значительных потерях русского войска в боях за Москву и в московском пожаре поддерживают, к примеру, Р.Г. Скрынников и Д.М. Володихин. См.: Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. — М., 2009. — С. 18; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 427).

⁹² Об этом сообщали Таубе и Крузе (Рогинский М. Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — С. 54), но, как справедливо было отмечено А.А. Зиминим, в этом случае они спутали события 1571 и 1572 гг. (Зимин А.А. Опричнина. — С. 274).

---

⁹³ К примеру, служилые «города» Ярославля, Коломны, Каширы, Рузы, Ржева и Зубцова, Твери, Углича, Серпухова в поход на Полоцк выступили в количестве, соответственно, 577, 262, 537, 78, 353, 240, 245 и 104 детей боярских, тогда как в кампанию 1572 г. они должны были выставить, соответственно, 430, 170, 430, 90, 330, 270, 200 и 70 детей боярских. Есть отдельные примеры сильного сокращения — так, по Можайску численность упала со 485 до 127, по Вязьме с 312 до 180. Однако, вместе с тем, есть и примеры столь же резкого увеличения — по Смоленску и Бежице со 160 до 350, Кашину — с 296 до 380. См.: Анхимюк Ю.В. Разрядная повесть о Полоцком походе // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 125—129; Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 174—177. К тому же, как будет показано ниже, наряду с «береговым» войском другая рать собралась в это же время в Новгороде и, вне всякого сомнения, часть детей боярских была там. Все это не позволяет утверждать, что русское войско потерпело сокрушительный, сопровождавшийся огромными потерями разгром. Вместе с тем можно предположить, что большой полк в особенности, полки правой и левой руки, сторожевой полк пришли в расстройство и были небоеспособны, равно как и опричное воинство. Как отмечал В.Б. Кобрин, казнь опричного воеводы князя В.И. Темкина-Ростовского была, скорее всего, связана с тем, что он не только не сумел отстоять опричный двор в Москве, но и допустил дезорганизацию вверенных ему опричных полков (Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — С. 83).

⁹⁴ Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех». — С. 227.

⁹⁵ Интересно, что сохранившиеся синодики, перечислявшие погибших детей боярских при «казанском взятии» 1552 г. и московском пожаре 1571 г., практически не отличаются друг от друга — и там, и там названы поименно несколько больше 200 служилых людей (Зимин А.А. Опричнина. — С. 407; Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-

---

генеалогическое исследование. — М., 1986. — С. 175—178, 182—184). Подчеркнем в этой связи еще раз, что в разрядной росписи ничего не сказано об участии в сражении на окраинах Москвы полков сторожевого и левой руки.

⁹⁶ Если верить ханской победной реляции, то его люди занимались грабежом и людоловством на протяжении 18 дней (Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлехранилищ Турции. — С. 194). Памятуя о том, что войско было в расстройстве, становится понятным, почему земские бояре в течение 10 дней не сообщали Ивану о московской катастрофе — мало того, что они были потрясены размерами постигшей столицу бедствия, но и приезжать государю в разоренную Москву было просто опасно, а ну как татары вернуться?

⁹⁷ РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 282—283.

⁹⁸ Аннинский С.А. Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический архив. — М., 1940. — Т. 3. — С. 388.

⁹⁹ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлехранилищ Турции. — С. 194.

¹⁰⁰ Флоря Б.Н. Иван Грозный. — С. 267.

¹⁰¹ Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. — С. 58; Флоря Б.Н. Иван Грозный. — С. 267. Здесь имеет смысл коснуться в нескольких словах действий Ивана Грозного в канун и в день великого майского пожара. Сведения источников крайне запутаны и противоречивы. Вставка в текст Никоновской летописи, сделанная, как уже сказано выше, по меньшей мере спустя лет десять после трагедии, гласила, что «царь и великий князь Иван Васильевич с опричниною в те поры шол из Серпухова в Бронниче село в Коломенском уезде, а из Броннича села мимо Москву в Слободу, а к Москве не пошол; а из Слободы пошол в Ярославль и дошел до Ростова» (Никоновская летопись. — С. 301). Пискаревский летописец, написанный много позднее событий мая 1571 г., передает иное известие: «Царь и великий князь Иван Васильевич пошол был в Серпухов да услышал, что царь прииде к Оке реке, и

он побежал в Слободу, а ехал на Бронницы да в Слободу, а и[з] Слободы побежал был в Кирилов» (Пискаревский летописец. — С. 191). О том, что Иван Грозный прибыл в Ярославль, сообщают Таубе и Крузе (Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — С. 52). Разрядные книги сходятся в том, что известие о постигшей Москву катастрофе нашло Ивана и его сына в Ростове (РК 1559—1605. — С. 71; РК 1475—1605. — Т. II. — Ч. II. — С. 282). Папский нунций в Речи Посполитой кардинал Портико, в свою очередь, сообщал в Рим, что Иван Грозный в августе 1571 г. находился в Белоозере (Шмурло Е.Ф. Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. — СПб., 1908. — Т. 2. — Вып. 1. — С. 231—232), а вологодский летописец Ивана Слободского, датированный началом XVIII в., сообщал, что когда «прииде на Русь крымский царь и град Москву пожег, а царь государь Иван Васильевич был тогда на Вологде и помышляше в Поморския страны, и того ради строены лодьи и другие суды многия к путному шествию...» (ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 195). Интересную подробность сообщает английский купец и дипломат Дж. Горсей. Согласно его запискам, Иван Грозный «в день Вознесения» (24 мая 1571 г.) покинул Москву вместе с двумя своими сыновьями, двором и стрельцами (о каких стрельцах идет речь — об опричных? О московских? — В.П., Т.П.) и уехал в Троице-Сергиев монастырь, представлявший собой мощную крепость (Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. — С. 56). Получается, что из-под Серпухова Иван вернулся все-таки в Москву, и лишь потом, когда татары подошли к самому городу, уехал на север, но не сразу в Ростов, а сперва в Троице-Сергиев монастырь. Об этом же пишет и А.А. Зимин, со ссылкой на разрядный летописец, см.: Зимин А.А. Опричнина. — С. 406. Еще дальше, в Ростов, он направился позднее. Можно даже предположить, что Иван покинул город с началом пожара — в этом, на наш взгляд, нет ничего невозможного, — было проиграно сражение, но не война. Другое дело, насколько точен Горсей и насколько можно ему доверять, но в его пользу

говорит тот факт, что хотя он и писал свои записки, видимо, где-то в конце 80-х гг. XVI в., в России англичанин находился с 1573 г., то есть приехал в Москву, прекрасно помнившую те страшные события. И еще одно обстоятельство, на которое стоит обратить внимание. Ни один современный или позднейший источник, русский ли, иностранный ли, не сообщает о вмешательстве Ивана в действия воевод, своих или земских, — они распоряжались полками по собственному усмотрению.

¹⁰² Пискаревский летописец. — С. 191—192; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6. — С. 588. Примечательно, что летописное сообщение подтверждает и имперский посланник Д. Принц из Бухова (Принц Д. Начало и возвышение Московии // ЧОИДР. — 1876. — Кн. 3. — IV. Материалы иностранные. — С. 29).